

ВОЛЬНЫЕ

Александр Вавилов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Вавилов

Вольные

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вавилов А.

Вольные / А. Вавилов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-96914-8

Однажды Макс возвращается домой после соревнований по кикбоксингу и сталкивается у подъезда с пьющими водку бродягами, живущими по понятиям. В результате словесной перебранки они достают ножи с намерением пустить ему кровь. Но на помощь Максиму приходят агрессивные молодые парни с арматурой в руках. Главный среди них Сева. Вместе с Максимом они жестоко расправляются с блатными и становятся близкими друзьями. Имея одинаковые взгляды на жизнь, они создают группировку и начинают по беспределу расправляться с курильщиками, алкоголиками и наркоманами, не считаясь с правилами, по которым живёт улица и существует государство. В итоге они объявляют войну современному обществу, и каждая новая их расправа превращает Максима и Севу во всё более безжалостных монстров. На них начинают охотиться все, и, в конце концов, они понимают, что пути назад для них уже нет. Все персонажи в книге вымышленные, а все совпадения случайны. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96914-8

© Вавилов А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Макс	8
Глава 2. Сева	13
Глава 3. Современный Буратино	20
Глава 4. Раскол	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Вавилов

Вольные

Предисловие

Не все на Руси караси – есть и ерши.

Велика Россия, суровая и непонятная западному человеку страна. Загадочная в своих обычаях, традициях и мистериях. Удивляющая другие государства своей неповторимой красотой, дикими забавами и безумными торжествами.

Широко простирается матушка Россия от границы дремучих живописных лесов Белоруссии до холодных пустых берегов Сахалина, от арктической заснеженной территории лютого Таймыра до высоких острых гор мятежного Кавказа. И каждая её пядь земли пропитана ярим духом свободы и вольности. И вольность та, и свобода столь необъятны в своих измерениях, что нет возможности им уживаться в русском человеке в согласии и спокойствии.

Лихорадит русского человека по поводу и без повода лишь почувствует он лёгкий ветерок вольного бунта. И понесут его ноги в приключения, и распахнется душа навстречу неизвестному, опасному и кровавому. А когда оглянется он назад, чтобы перевести дыхание, то и сам ужаснется содеянному им же самим в порыве кажущейся такой сладкой и желанной свободы.

И какие бы причудливые формы не приобретала живущая в русском сердце вольность, она заставляет его биться с такой невообразимой силой, что нет возможности избавиться от неё ни днём, ни ночью. Требует она выхода наружу, а когда покажет своё обличие, то и не разглядишь её сразу в странном одеянии совершённых человеком поступков.

– Что же ты натворил, безумный? – спросишь ты у объятого лихорадкой русского человека. – Разве так ты хотел стать свободным, вольным и счастливым? Разве этого требовала твоя душа, погружая руки в кровавое море беззакония и насилия? Чего ты добился, поддавшись фантастическим идеям жестокой утопии? И как далеко завели тебя эти идеи в смутном сознании, переставшим различать реальный мир от вымышленного?

И не сможет он вам ответить, лишь обернется и посмотрит назад, понимая, что стоит на камне у тёмного омута, в котором утонула Алёнушка, безнадежно зовущая брата, обращённого в полорогое парнокопытное. Обернётся в полном одиночестве среди могил и кружащих над ними воронов. Всё это время он плыл вперёд, думая, что откроет новую землю свободы, где ему поставят памятник и прославят в веках благодарные потомки. А вместо этого заплыл туда, где течение останавливается и тиной затягивается гладь холодной воды. Лодка прохудилась, и нет мостов, ведущих назад, в тот мир, где он хотел реализовать свои мечты и желания.

Река отнесла его в один из своих мрачных рукавов, завлекая порогами и волнами, бросающими вызов храброму сердцу русского человека. И силы есть для возвращения и трезвость ума вернулась к нему, да только возможности повернуть события вспять он не имеет. Это проклятое место, в котором вновь прибывшие умирают сразу или вынуждены томиться вечно, скованные цепями прошлого, которое оставило кровавый след на тёмной воде, поглотившей так много невинных и несчастных жертв вольного бунта.

Проходят годы, меняет облик бородастый казак, с иголки одетый гвардеец и поэт-романтик в кожаной куртке, объятый мыслями о революции, и на смену им приходит молодой студент юридического факультета, одетый неброско в тона серого бетонного города, и живущий по правилам улицы. И кто бы не бросал вызов системе укоренившихся норм и правил, суть остаётся одна – внутренняя стеснённость, в которой русская душа больше не может находиться в силу своего размаха и широты.

И порой нам кажется, что это всего лишь сон – то место, где оказался русский человек на временном отрезке истории, среди недовольных и готовых к разрушению устоявшихся норм и правил. И вот-вот он должен проснуться, чтобы стряхнуть с себя ночную дрему, и начать жить заново в мире, предоставляющим равные возможности каждому. И забыть это зашифрованное послание, переданное ему в сновидении, подобно тому как сквозь века передаются колыбельные от матерей к дочерям.

Но не получается у русского человека. Просыпаясь, он вновь хмуро поднимает глаза и берёт в руки оружие, способное, как он считает, помочь ему в обретении безграничной свободы, раз за разом трансформирующейся в дикую вседозволенность. Хочет стать лёгким ветром русский человек, гуляющим по просторам Руси-матушки и играющим с золотыми колосьями пшеницы да густыми ветвями берёз, а становится безжалостным ураганом, уничтожающим крестьянские посевы да вырывающим вековые дубы из израненной многострадальной русской земли.

В какой же момент снова и снова происходит сбой в привидевшейся русскому человеку истории, не позволяющей ему добиться желаемого? Почему же всегда его ладью относит в болото, издающее зловонный запах застоявшейся затхлой воды? Правильно ли он прочитал ночное откровение, чтобы понять своё предназначение, свой путь и свою цель во вновь обретенной жизни? Или, быть может судьба русского человека фатальна и предначертана ему свыше по великой задумке того, перед кем всегда преклоняет колена русский человек?

Сначала покажет прекрасный глазу мираж и нашепчет на ушко сладкие речи о том, как он безумно необходим русскому человеку, а потом бесповоротно заведёт его в самые мрачные топи, из которых тому уже никогда не выбраться. А посему и историю надо начинать заново, с новыми обманами и новыми кровопролитными преступлениями ради сказочного и недостижимого, показавшегося на горизонте перед взором русского человека.

Сумей он правильно прочесть откровение, сумей он верно истолковать послание, и тогда закончится это мытарство, полное туманных походов, зимних восстаний и красного террора. И может быть тогда пыльный серый асфальт каменных джунглей перестанет нагонять депрессию и тоску на сердца молодых бескомпромиссных ребят, пытающихся снова купиться на вкрадчивый шёпот после того, как они проснутся, стеснённые квадратными метрами одинаковых до безобразия комнат.

***

– Вот посмотри на этих волков, бегающих по вольеру и бросающих на нас затравленный взгляд, – говорил мужчина пятидесяти лет с сединой на волосах, выдававшей в нем человека знакомого с самыми гадкими и страшными сторонами жизни. – Сколько бы мы ни пытались приручить этих диких зверей, они остаются заложниками своего внутреннего инстинкта. Их не зря называют санитарями леса. Их миссия заключается в том, чтобы уничтожить слабое, позволяя жить только сильным особям, способным доказать своё право на существование. И ни ты, ни я, ни кто либо другой не сможет изменить этого универсального закона природы. Ни у кого не получится договориться с этим воющим на луну хищником. Он подчиняется только законам своей стаи, и если кто-либо в лесу хочет спокойно жить и размножаться, то он должен уметь быстро бегать и хорошо прятаться.

– Неужели ты оправдываешь то, что сделали эти ребята? – спросил у него собеседник. – Я видел много жестокости среди молодёжных группировок, но то, что сделали они, не подпадает ни под какие моральные нормы и правила.

Мужчина погладил свои седые волосы и снова указал собеседнику на волков:

– А по каким нормам и правилам охотятся эти животные? У них одно правило – убить всех, кого можно догнать и схватить. Это жестоко и несправедливо для остальных зверей и сельского человека, держащего в доме скотину, но тем не менее никто не сокрушается по этому поводу.

Он сделал паузу, и продолжил:

– Страх перед волками висит над территорией, где они обитают. И именно этот страх заставляет всё живое не расслабляться. И страх этот так силен, что сам по себе способен убить потенциальную жертву. Я слышал, что кто-то даже провёл жестокий эксперимент, доказавший эту теорию.

– Что за эксперимент?

– Две клетки поставили рядом, в одну посадили овцу, а в другую – волка, и овца погибла на второй день. Умерла от страха перед своим убийцей.

Мужчина сделал многозначительную паузу и продолжил:

– Ты пойми, Роман, я не оправдываю этих ребят, я говорю тебе о том, что ими двигало, когда они совершали всё то, что легло в материалы дела. Они жили как эти волки, по своим правилам, не подчиняясь никому, и они хотели, чтобы их боялись. Как та овца из эксперимента, которая тряслась от ужаса до конца жизни, пока силы не оставили её.

Мужчина был следователем по особо важным делам и работал в отделе по борьбе с организованными преступными группировками. Его звали, как и его отца Михаил. Жена обращалась к нему всегда ласково и с любовью – Миша, а коллеги по работе звали его уважительно Михалыч. Его собеседник, Роман, был внештатным журналистом при министерстве внутренних дел. Они были друзьями и частенько встречались, чтобы попить коньячку с шашлыками на загородной даче Михалыча.

Волки у следователя появились 3 года назад случайно, когда поймали браконьеров, у которых в клетках в подвале обнаружили троих оголодавших волчат. Он забрал их к себе на дачу и сделал для них просторный вольер. Михалыч планировал выпустить их в леса, как только они подрастут и смогут за себя постоять, но потом всё завертелось, и работа полностью его поглотила. Было не до волков, за которыми в основном присматривал его старший брат, с детства увлекающийся стрельбой и охотой.

Именно тогда, 3 года назад и началась эта история, познакомившая его с ребятами, о которых они разговаривали с Романом. Хотя на самом деле эта история началась задолго до того, как о ней узнал Михалыч.

Глава 1. Макс

– Заканчивай с ним, Макс, – улыбнулся Скорый, протягивая капу в рот друга.

Максим посмотрел в улыбающееся лицо Фёдора, по прозвищу Скорый, крепко сжал свою боевую капу между зубами и подумал: «Какой же он всё-таки медленный этот Скорый! Он реально оправдывает свою фамилию – Фёдор Неспешный». Ему даже погоняло дали, вроде как в насмешку над фамилией, но и отчасти от того, чтобы ускорить все его действия, потому что пацан реально никуда не торопился и очень часто тормозил на ровном месте. Вот и теперь: гонг уже прозвучал, а Скорый только в последний момент очнулся и протянул ему капу. И рассеянность здесь была абсолютно не причём.

Макс снова ринулся в бой, и обрушил на противника шквал ударов руками и ногами. Тот уже откровенно бегал от него по рингу, пытаясь найти укрытие от его вездесущих атак. При каждом удобном случае он начинал обниматься с Максом, оттягивая время до следующего удара гонга. Шёл второй раунд четвертьфинального поединка за звание чемпиона федерального округа. Кому-то могло показаться, что у соперника Макса такая тактика: вязать бой, выматывая противника. Но сам Максим знал, что уже выиграл схватку, осталось только её завершить.

Те, кто находится в ринге, всегда чувствуют, кто из них победитель. Иногда это понимание приходит сразу, иногда спустя несколько раундов. Но в любом случае, кто-то ломается: тот, кто менее мотивирован, или тот, кто слабоват духом. Такое бывает: в боевых единоборствах полно тех, кто попал в них случайно, пришёл за компанию с друзьями, или кого привели родители. После реальных спаррингов, многие отсеиваются, понимая, что не готовы к тому, чтобы держать удар. Бить то умеют все, а вот получать по лицу готовы немногие.

Первые соревнования отсеивают и тех, кто пришел в этот спорт для того, чтобы бросить понты перед девчонками и поднять свой социальный статус среди мальчишек. Картинка выглядит красиво: бинты на руках, серьёзное выражение лица на фотографиях, стойка в красивых перчатках и спортивном обмундировании. Фактически же единоборства – это тяжелейшие физические нагрузки, боль, травмы и ежедневная борьба с собственной ленью, слабостью и недисциплинированностью.

Ты хочешь отдохнуть с друзьями? – плевать! Топай на тренировку! Хочешь сводить девочку в кино? – плевать! Соревнования никто не отменял! Хочешь скушать этот аппетитный кусочек торта? – плевать! Весы не обманешь, а если они покажут больше чем должно быть, то придётся сгонять вес укутавшись несколькими свитерами и сидеть, обтекая потом, в жарких парилках! И тот, кто чаще закрывает глаза на это самое не терпящее возражений «Плевать!», тот в итоге и проиграет бой.

Вот и сейчас Максим чувствовал, что развязка уже близко; каждый раз, когда он поджимал соперника в угол, тому каким-то чудом удавалось навалиться на него и в бессилии парализовать его руки, готовые совершить свой решающий удар. Он слышал тяжёлое дыхание соперника и видел кровь, проступившую на его нижней губе. Это было ахиллесовой пятой его горе-противника; Макс уже решил, что закончит этот бой ударом в челюсть: его левый боковой постоянно заходил в зону поражения того, с кем его свёл четвертьфинал, не встречая на своём пути никакой защиты.

– Соберись! Подними руки! Осталось 20 секунд! – кричали секунданты в противоположном углу.

«Хер ты у меня продержишься эти 20 секунд», – подумал Максим и посмотрел на судью. Рефери незамедлительно пришёл ему на помощь и оттащил от него вялого, тяжело дышащего соперника. Он сделал ему очередное предупреждение и показал боковым судьям, что снимает с него бал за то, что тот не дерётся, а вяжет бой.

Секундные стрелки отмеряли последние отрезки на циферблате часов, и со стороны действительно казалось, что это не так много: продержаться последние 20 секунд. Но только не для тех, кто был в ринге. И Максим, и его соперник понимали, что это целая вечность. Макс дёрнул его, показав головой, что пошёл в атаку, и его изнеможённый соперник купился на это, инстинктивно выкинув правую руку, чтобы защититься. Максим легко провалил контрудар и выбросил завершающий боковой хук с левой руки. Он навалился на удар всем телом, так как бил наверняка. Его измазанная кровью перчатка точно приземлилась в челюсть противника и продолжила свой путь дальше, сметая нерадивого спортсмена на настил.

Это было не с чем не сравнимое чувство, когда после твоего удара соперник падал на ринг словно мешок картошки. Максиму довелось не единожды испытать его опьяняющее подлинное качество с горьким привкусом того легендарного былинного времени, когда мужчины выясняли отношения раз на раз с помощью мечей, топоров и копий на глазах у стоящих за их спинами войск. В этих состязаниях было всё, что делает мужчину великим и благородным: честь, достоинство и сила.

– А в этом бою победу нокаутом во втором раунде одержал Максим Славин, – объявил главный судья соревнований и довольный Макс обменялся рукопожатием сначала с соперником, потом с секундантами и в заключении с рефери поединка.

Когда он вернулся в свой угол, Скорый, оттягивая коленом канат, чтобы выпустить его с ринга пошутил:

– Почему так долго Макс?

Он пришел в секцию кикбоксинга, как и большинство ребят, под впечатлением голливудских фильмов, показывающих бравых мускулистых героев, побеждающих преступников с автоматами с помощью ударов ногами и руками. Для обычного паренька из рабочей семьи – это было возможностью реализоваться как личность; говорить «нет», когда хочешь сказать «нет»; и добиться уважения среди уличных толп, понимающих только язык силы. Очень быстро он осознал всю притягательную сторону того, что девчонки и мальчишки знают, что теперь ты можешь физически наказать своего обидчика, и из-за этого тебя начинают бояться.

Теперь он весил 70 кг и был крепким, здоровым и красивым атлетом, способным с одного удара вырубить своего неприятеля. Он знал, как нужно питаться и какое количество калорий потреблять, чтобы не превратиться в толстое бесформенное тело, коими были большинство современных парней, жующих гамбургеры, и запивающие их колой. Он не курил и не пил, считая это отравой для человека, особенно для молодого поколения. Особенно негативно относился к наркотикам и беспорядочной половой жизни и небезосновательно полагал, что телевизионную и художественную вседозволенность необходимо ограничить на законодательном уровне, чтобы предотвратить эпидемии ВИЧ и СПИД.

Максим не любил, когда курили девчонки, а пацаны просиживали штаны у подъезда с бутылками пива. Он считал, что в этом мире можно заняться чем-то более полезным, например, своим здоровьем. Его всегда радовало, когда он встречал на спортивных площадках молодежь, тренирующуюся на открытом воздухе с собственным весом. Он всегда подсказывал, как правильно выполнять то или упражнение, и помогал поставить технику ударов тем, кто приносил на площадку лапы и боксерские печатки. Звание мастера спорта позволяло ему давать такие советы всем, кто занимался физкультурой.

***

Возвращаясь после победы домой, Максим, был в приподнятом настроении. Завернув в родной квартал со спортивной сумкой на плече, он сразу услышал режущий слух пьяный смех. На скамейке возле его подъезда сидели трое парней гоповатого вида. Они пили водку. Бутылка стояла на деревянной скамейке с отвалившейся краской, удерживая замусоленную газету, на которой была нарезана нехитрая закуска: кусочек сала и огурцы.

Ему не раз приходилось разгонять таких алконавтов, поэтому Максим подошёл к ним уверенно, и не ожидая особого сопротивления.

– А ну разбежались отсюда, боевые литрболы! – понизив голос, сказал он и суровым взглядом обвёл сидевших на скамейке парней.

Татуировки на их руках и ядовитый прищур тёмных глаз дали понять, что перед ним сидели не типичные гопники, а ребята, придерживающиеся воровских понятий, кого принято называть АУЕ.

– Ты главный по подъезду что ли? – выпуская сигаретный дым изо рта медленно проговорил один из них. – Иди куда шёл, не виляй хвостом на горизонте.

– А чё у тебя в сумке, качок? – спросил второй, обходя Максима слева. – Грев для братвы собрал или шкурки в ломбард тащишь?

– Да он сладкий походу, – добавил третий, поднялся с корточек и начал подходить к нему ближе. – За базар свой потянешь перед людьми, шрёк обконтаченный?

Максим услышал слева звук открывшейся финки. Он скинул с плеча сумку и сжал кулаки:

– Разговаривайте нормально, бакланить будите там, где тусуются батраки.

– Ты и есть батрак, парашник! Книжек что ли перечитал в богадельне и решил кулачный бой здесь устроить?

– Начал за здравие, кончишь за упокой.

Максим услышал щелчок ещё одной финки и увидел, как блеснуло лезвие в руке у того, кто сидел на скамейке. Он инстинктивно отступил на безопасное расстояние, не позволяя никому приближаться к себе.

– Чё ты засеменял ножками, бройлер на анаболиках, иди сюда, я тебя плохо слышу, – парни угрожающе начали приближаться к нему с разных сторон.

– Харпер, – обратился тот, что был справа, к сидящему на скамейке, – ффраер включает заднюю, отпустим малыша к мамке сиську сосать?

Максим инстинктивно сфотографировал глазами сидящего и положил эту картинку в память. «Этот чёрт у них за старшего», – подумал он, не прекращая контролировать расстояние до каждого гопника.

– Что замолчал, придурок? – сказал Харпер, отрывая худой зад от скамейки, – ты думаешь мы с тобой драться будем? Поясни людям свои слова, обоснуй претензию. Иначе нам придётся вскрыть шею.

Максим понял, что словесной перепалки этим ребятам будет недостаточно. В их глазах читалась решимость истыкать его ножами, как свинью, загнанную на заклятие. Он был психологически стойким человеком и не привык поддаваться панике. Поэтому в его голове моментально со скоростью квантового компьютера начал вырабатываться план действий в сложившейся критической ситуации.

Прыгать одному на троих отшлифованных понятиями пациков с ножами было бы подобно самоубийству. Это только в кино герои могут применить свои мастерские приёмы, чтобы нейтрализовать злодеев, вооружённых хоть ножом, хоть пистолетом, хоть артиллерийской установкой «Град». В реальной же жизни оказывается так, что кто с ножом, тот и с мясом. Некролог знал многих безумцев решивших, что приёмы Брюса Ли окажутся эффективнее полёта клинка по непредсказуемой траектории. Поэтому повторить подвиг Геракла в бою с тремя кентаврами он не решился. Необходимо было взять в руки крепкую палку или железный лом, однако в поле зрения его зорких глаз ничего не было. Даже острого кирпича или более-менее увесистого камня не валялось перед ногами.

И вот когда уже мысль отбежать была готова к тому, чтобы укрепиться и дать команду ногам двигаться как можно скорее, унося тело из жизненно опасной зоны, Максим заметил, как за спинами АУЕшников показались крепкие рослые ребята с тяжелой арматурой в руках.

Всё случилось быстрее, чем двигались импульсы нейронов в мозгу у Максима. С дикими криками молодчики налетели на обступивших его гопников и поломали их железными прутьями. Сам он успел ударить отбрыкивающимся движением ноги одного из АУЕшников, тот сразу же попал под удары арматуры и остался бездвижно лежать на асфальте спустя минуту с проломанной головой.

– Победа будет за нами! Жалость это слабость! – стали выкрикивать молодчики.

Один из них презрительно плюнул на валявшегося в пыли и харкающего собственной кровью гопника.

– Всё нормально, братан? – хлопнул ошарашенного Максима по плечу ещё один из этих парней.

– Да, – растерянно ответил он, рассматривая своего спасителя.

Тот подал ему руку:

– Сева.

Максим потянулся, чтобы пожать ему ладонь, но Сева схватил его за предплечье и поздоровался с ним словно легионер в Древнем Риме.

– Макс, – представился новому знакомому Максим.

Сева покачал головой:

– Virtuозно ты ему ногой двинул, каратист что ли?

– Кикбоксингом занимаюсь. А вы как здесь появились?

– Пойдём отсюда, красавчик, пока серые не приехали, мелькать физиономиями не будем.

Сева увлёк Максима за собой в лабиринты панельных домов, обшарпанных магазинов, и детских садиков – всего того, чем были богаты каменные джунгли района. Они присели на скамейке под густыми ветвями пыльных берёз внутри обнесенной забором школы.

***

– Мы с этими перцами разрисованными возле супермаркета столкнулись, они нам и забили стрелу во дворе, – Сева улыбнулся. – Только на этот раз купола их не уберegli от наказания божьего. Ты живешь тут рядом?

– Да, как раз в том доме, где эта пьянь бухала.

– Теперь они это место за три версты обходить будут, если на ноги встанут. С тренировки что ли идёшь?

– С соревнований, во дворце спорта сейчас турнир по округу идет. Завтра полуфинал, до которого мог и не дожить, – Макс рассмеялся. – Не сильно вы их прессанули за базар?

– Они тебя чуть не порезали, подумай об этом. Жалость – не то чувство, которое они заслужили. Ты же понимаешь, что на твоей могиле никто бы из них не скорбел.

– Да я не жалею их, – Максим посмотрел на небо. – Сам не люблю обормотов, травящих себя этой отравой. Сигареты и алкоголь – это геноцид нашего народа, медленный яд, проникающий в тело по капле, день изо дня, и доводящий организм до полного истощения.

– Так-то оно так, но гораздо хуже другое.

– И что же?

– А то, что сознание человека позволяет ему медленно убивать себя. И оно не просто разрешает ему глотать и выкуривать яд, оно ещё и находит этому оправдание.

Максим кивнул головой в знак согласия, а Сева продолжил:

– А потом эти довольные рожи, затягивающиеся сигаретой, и отпивающие из горла пиво, ходят среди нас и демонстрируют всем своим видом, как им хорошо. Они заражают своим поведением окружающих и показывают будущим поколениям дорогу смерти. Поэтому они не просто самоубийцы, достойные сожаления; они убийцы, заслуживающие смерти.

Макс посмотрел на Севу и увидел в его глазах холодное жестокое намерение совершить что-то ужасное; то, что выходило за рамки представления человека о нравственности и морали.

Он понял, что разделяет это намерение, и даже захотел как-то моментально доказать это, но тут же устыдился собственного чувства и посмотрел в землю:

– Ты прав, Сева. Если человек не изменит своего отношения к тому, что сейчас творится и продолжит уничтожать себя изнутри всем этим табачным и алкогольным дерьмом, то у нас не будет будущего.

– Мы не обязаны это терпеть, Макс. Лично я не собираюсь молча смотреть на то, как какая-то пьяная гнида разевает свой вонючий рот, чтобы начать со мной спорить или что-то доказывать мне!

В этот момент Максим вспомнил свои тренировки, когда он только пришёл в кикбоксинг. Когда тренера не было, за него оставался парень из старшей группы, который и вёл занятие. Его звали Гриша. Гриша был лучшим в секции, он начал заниматься, чтобы научиться драться на улице, потому что Гриша был уличным хулиганом, который постоянно участвовал во всех драках, в которых только можно было участвовать. Если где-то кого-то били, то почти со стопроцентной уверенностью можно было сказать, что там был Гриша. А если там был Гриша, то и тем, кто бил, был именно он. Он просто ненавидел тех, кто не занимался, и не дай бог ему было увидеть пацана с сигаретой. Гриша всегда вёл тренировку так, чтобы научить ребят драться не на ринге, а на улице. Он рассказывал, как нужно избивать, и не гнушался продемонстрировать это на ком-нибудь из пацанов.

– Они все курят, они слабые, поэтому вы не должны их бояться! – говорил Гриша и показывал, что нужно было делать с тем, кто курил.

– Вы должны их бить! Вот так! – и он наносил удары по воздуху снизу, от бедра. – Не надо вставать в стойку и поднимать руки. Нужно бить им по мордам моментально, из положения в котором вы находитесь! Чтобы забить сигареты им в горло, а потом, когда эти черти упадут, надо прыгнуть им на голову, чтоб они уже никогда не поднялись!

Это было жестокое время. На районе тогда постоянно кого-то избивали до полусмерти. Максим с друзьями тренировались на тех, кто забредал к ним во дворы случайно. Каждый старался уронить гостя с одного удара. С тех самых пор он и стал панчером, который в будущем сложит на ринге не один десяток своих соперников, прежде чем заберёт пояс чемпиона России.

Однажды со Скорым они увидели пацана с цветами. Он шёл к девчонке с их района, в которую судьба угораздила его влюбиться. Но он был не местный, и поэтому не знал какие порядки были там, где она жила. Максим со Скорым отвели его к гаражам и начали избивать просто за то, что он им не понравился. Таковы были правила улицы: если у тебя на лице было написано, что ты лох и не дашь сдачи, то тебя били. Максим схватил его за уши и начал лупа-сить лицом о старый прогнивший жигуль, который стоял у гаражей. Залитое кровью лицо и молитвенный плач несчастного только подзадоривали его.

Потом, то дикое время уличного мордобоя забылось; он всё больше погружался в спорт, и постепенно оставил дворовые бои без правил. Поступил на юридический факультет областного университета. Учёба и соревнования превратили некогда беспедельного пацана с района в дисциплинированного грозного спортсмена, которого знали, уважали и боялись многие. И вот сейчас, разговаривая с Севой, он вдруг понял: как же он соскучился по тем временам, когда можно было вот так весело и задорно глушить всяких нариков и алкашей.

Глава 2. Сева

До знакомства с Максимом Всеволод, или как его все называли Сева, был типичным уличным беспредельщиком, как могло бы показаться обычному среднестатистическому человеку. Весь день он проводил на улице, подрабатывал случайными заработками и избивал людей на районе. За ним тянулся шлейф регулярных приводов в милицию. Несколько замятых уголовных дел, административных штрафов и домашних арестов.

Он не имел образования: с горем пополам окончил школу, поступил в ПТУ, но там учился 2 года и был отчислен за неуспеваемость, систематические прогулы и антисоциальное поведение. Он вёл себя вызывающе, был принципиален, жесток и психически неустойчив. Испытывал приступы бешенства на ровном месте и крушил при этом всё, что попадалось ему на пути. Отпетлял от армии из-за плоскостопия, единственного места, которое могло бы сделать его управляемым хоть в какой-то мере.

Однако этого описания Севы как человека было бы не вполне достаточно для того, чтобы понять его как личность. Его психологический портрет просто необходим для полноты образа, и понимания мотивов его поведения. А для этого необходимо будет немного отстраниться от личности самого Севы и начать толкование издалёка.

Социум как среда нашего существования состоит из определённых сформировавшихся систем, живущих по своим законам и правилам. Когда данные системы работают в обычном режиме бес перебоев, мы говорим о стабильности в Обществе. Стабильность социума есть конечная цель каждого его элемента, ибо она определяет его сбалансированность и гармоничность. Беда в том, что иногда элементы системы начинают жертвовать собственным равновесием в системе ради высшей идеи стабильности.

Когда учитель, испытывая плохое настроение, позволяет себе иногда наорать на ученика, пользуясь своим положением, система начинает его защищать, потому что учитель – это часть системы. Когда чиновник начинает немного приворовывать из государственного бюджета, система начинает его защищать, потому что чиновник – это тоже часть системы. Когда работодатель начинает заставлять своих работников работать на 1 час больше положенного, система начинает защищать работодателя – так как и он устойчивый элемент этой системы. Когда народ начинает спиваться, скуриваться и развращаться, то система будет и это оправдывать, потому что иначе всё рухнет.

В современном мире всё настолько переплетено и обросло связями, что система превратилась в неподвижного чудовищного монстра, позволяющего грабить убивать и обогащаться одним, и лишаящего социальных, политических и экономических свобод других. Каждый находящийся в современной системе найдёт слова оправдания для неуравновешенного учителя, вороватого чиновника, алчного работодателя и деградирующего народа.

– Да учитель не виноват, что наорал на этого двоечника! Надо было ему ещё затрещину хорошенько дать! Посмотрите в каких условиях они учат наших детей, работают за нищенскую зарплату, а эти невоспитанные малолетки, ещё пороха не нюхавшие, позволяют себе возникать! Нужно публично наказать этих провокаторов, чтоб другим не повадно было!

– Да что чиновники, все они воруют. А ты бы не воровал разве? У нас вся страна ворует, без этого сейчас не проживёшь! Подумаешь украл миллион, а что, другой придёт, лучше, что ли будет? Может он ещё больше воровать будет! Пусть уж так всё и останется как есть, а эти перемены нам ни к чему.

– Да работодатель то мерзавец, кто ж с этим спорит! Да только, где ты сейчас другую работу найдёшь, на которой стабильно платят. Держись за своё место, не ругайся с начальством, если нужно побольше поработать – поработай, ничего страшного с тобой не случится! Смотри время какое – ни в чем нельзя быть уверенным. Поэтому главное – это работа!

– Да что из того, что народ пьёт! А что ему ещё делать? Везде всё наворовали, народ обобрали, дайте ему хоть стопку водки спокойно выпить; оставьте хоть какие-то маленькие радости нашему Ивану. Он всё выдержит, всё стерпит – не лишайте его только хмельной радости! Позвольте иногда забыться и отдохнуть от вашей власти!

Всегда найдется оправдание самой чудовищной несправедливости ради того, чтобы система не менялась. Стабильность – это последний гвоздь в крышку гроба под названием социальная справедливость. С точки зрения уравновешенной и сбалансированной системы, тюрьма является её самым стабильным элементом. Если тебя до полусмерти избили в камере сотрудники милиции, то это нормально, потому что ты преступник и сам виноват в том, что нарушил закон. Поэтому поздно пить боржоми, когда почки отказали.

Если ты начал спорить с учителем или преподавателем ВУЗа, то тебе необходимо сначала дорасти до его возраста, получить учёную степень, а потом уже разевать рот. Ты находишься в лагере тех, кто учится, а не тех, кто учит; поэтому молча открывай тетрадку или ноутбук и записывай то, что тебе говорят. Умничать у себя на форумах будешь, студентик. Ишь какой грамотный: старших не слушает. Молодо – зелено, сначала поживи столько, сколько они пожили, а потом уже спорить будешь.

Если ты пришёл к депутату или чиновнику, то будь любезен слушать, что тебе говорит этот уважаемый человек, которого выбрал народ или назначил президент. Он тут, понимаешь, законы пишет, по которым живёт страна или губерния, а ты его учить вздумал! Ты себя народом что ли возомнил, про права свои качать пришёл? Он тебе ничего не должен, кроме тебя у него таких ещё несколько миллионов, и обо всех он должен заботиться. Он на твои налоги не существует! Ты каких там книжек перечитал и ю-туб блогеров насмотрелся? Умный что ли слишком стал, юридически подкованный? Надо бы тебя проверить соответствующим органам.

Если пришёл работать, то работай, а не нравится уходи на хер отсюда и ищи другое место, где тебя ничего заставлять делать не будут – у нас свободная страна! Какой трудовой кодекс, какие права, ты о чём? Кто там умирал за то, чтобы ты имел право работать по 8 часов в день и претендовал на социальные выплаты? Ты дурак что ли, кем себя возомнил? Пошёл на хер отсюда, ты уволен!

А если ты Иван, то, пожалуйста, для тебя в том числе всё сделали: образование тебе дали с детства – учись, на кого хочешь; рабочие места дали – устраивайся, куда душа пожелает; хочешь квартиру купить – пожалуйста, бери ипотеку; даже клубы ночные пооткрывали, чтобы ты мог отдохнуть на выходных! А что-то, где-то твои права ущемили, то, пожалуйста, обращай в суд, милицию, прокуратуру, нанимай адвокатов и добивайся защиты своих прав! Так во всём цивилизованном мире делают! У нас все перед государством равны.

Вот так и живём стабильно.

Система постепенно превращается в единый монолитный элемент, цель которого сохраниться во что бы то ни было. И подавляющее большинство людей готовы терпеть самую жуткую несправедливость, лишь бы ничего не менялось в худшую сторону. А если даже измениться, то можно ещё немного затянуть пояса и потерпеть ещё чуть-чуть до лучшего времени. А лучшего времени не будет, потому что второй закон термодинамики гласит, что в изолированной системе энтропия будет только нарастать, и количественные изменения в итоге всё же перерастут в качественные, преобразуя при этом всю систему целиком.

Возвращаясь к личности Севы, необходимо сказать, что он был таким элементом в системе, который не шёл с ней на компромиссы, и не поддавался её влиянию в угоду большинству других участников системы, которыми двигала идея стабильности. Он реагировал радикально на любую несправедливость с точки зрения устойчивости самой системы, жертвуя при этом справедливостью для конкретных её элементов.

Если учитель позволял себе орать на него, то он мог при всех послать этого учителя на три самые известные буквы русского алфавита, если работодатель требовал от него то, что не

входило в зону его ответственности, то он мог послать его туда же. Он готов был пожертвовать образованием и работой ради внутреннего чувства собственного достоинства, сохранив репутацию человека, неспособного на договорняк с совестью ради каких-либо предпочтений или материального благосостояния. Всё, что шло в разрез с его внутренними убеждениями и моральными ценностями, пресекалось им безжалостно и жестоко.

Такие люди, нонконформисты по своей сути, всегда будут отторгаться системой как нечто чуждое, мешающее её существованию. В какой-то момент они начинают представлять серьёзную угрозу для её жизни, и тогда система принимает решение нейтрализовать их. Поэтому такие как Сева становятся озлобленны и люто ненавидят окружающих, тех, кто готов мириться с существующими правилами. Это их реакция на то, как система с ними обходится. В итоге, таких людей судьба приводит на виселицу или вечную каторгу, если же, конечно, им не удастся совершить революцию.

Девизом Севы по жизни были слова Заратустры: «Я призываю вас не к работе, а к борьбе. Я призываю вас не к миру, а к победе. Да будет труд ваш борьбой и мир ваш победой!». Он жаждал войны и битв, ибо в них находил он великую справедливость и неподдельность чувств. Сева любил Ницше и в отличии от типичного двоечника много читал. Он мог быть очень убедителен, поэтому люди к нему тянулись. Харизматичный и жестокий он любил отвечать за свои слова, и люди замечали это, а, следовательно, и уважали.

В какой-то момент он осознал, что систему можно изменить, если бросить ей вызов. Вот так радикально, в одно мгновение, просто сказать себе: «Больше с этим дерьмом я мириться не буду!». И как только ты сказал себе это, то с этого самого момента система становится твоим смертельным врагом. И так как все её элементы увязаны между собой в единый клубок, который самому Богу не под силу распутать, то ты принимаешь единственное решение – обнулить исходную систему координат и начать разрушать всё, что находится в зоне твоей видимости.

А ещё Сева понял, что он не один, и таких, кто не доволен тем, что творилось на улице, много. Они избивали всех, у кого видели сигарету в зубах. Заметив тех, у кого в руках была бутылка пива, они её отбирали и разбивали им о головы, наблюдая за тем, как пениться хмель, вступающий в реакцию с кровью любителя выпить. Но этого было мало, он хотел совершить что-то большее, и знакомство с Максимом вывело его на новый уровень понимания того, что нужно делать.

***

Они были такие разные и такие одинаковые в то же самое время. Макс – профессиональный спортсмен, Сева – неисправимый беспределщик, но грядка, на которой выросли эти перцы, была у обоих общей. Эпоха девяностых и начала двухтысячных вырулила их дорожки в разных направлениях, а потом причудливая кривая судьбы пересекла их вновь, чтобы претворить свой злой замысел в жизнь в очередной раз на историческом отрезке времени, на котором покоилась под снежным покровом суровая матушка Россия.

Сева рос один. Из родных у него оставалась только бабушка, которая жила в отдельной квартире на краю города. Это был самый дорогой его сердцу человек, опекавший его всё время, пока он не стал совершеннолетним. Вторым дорогим его сердцу человеком была его девушка Оля, известная среди друзей под именем Хельга.

Макс рано остался без отца и сейчас жил с матерью и сестрой в трёхкомнатной квартире в новом районе города, больше напоминающем каменные джунгли. Девушки у него не было, всё свободное время он посвящал тренировкам и учёбе.

Их объединила ненависть, царившая в мире, где они выросли. Их воспитала злость, позволившая обоим кровью и потом пробивать себе дорогу к будущему: одному – через сопротивление общества, второму – через спортивные состязания. Они объявили слабость главным виновником своего положения. Тот, кто был слаб, тот должен будет измениться, а если он этого не захочет, то тогда... А что тогда?

– Бить его постоянно, пока он не сломается? – как-то философски спросил Макс

– Не со всеми это помогает, – начал размышлять Сева. – Менты могут сколько угодно долго ломать подозреваемых, но среди них некоторые не расколются при любом раскладе, уйдут в отказ и всё. Может быть он и останется инвалидом, но он выйдет на волю, потому что не сломается, и тогда система в его лице получит гораздо более страшного противника, чем он был до того, как оказался у них в лапах.

– Чтобы этого не случилось, ментам следует его убить, – сказал Макс и посмотрел на Севу.

– Менты на это не пойдут, они же законники, закон не позволяет им этого делать, в этом их слабость – они подчиняются правилам. Но мы же с тобой не менты.

– Предлагаешь убивать конченных, не готов к исправлению пехотинцев? – в шутку спросил Макс.

Сева посмотрел на него. На долю секунды их глаза сверкнули ужасающим по своему содержанию блеском, но это длилось только секунду, после чего они засмеялись.

– Ты знаешь, Макс, мусора не всегда такие уж преданные служители закона. В изоляторах и карцерах, СИЗО и обезьянниках частенько находят трупы тех, кто не хотел ломаться. Это реально сложно быть таким несговорчивым и принципиальным рэмбо в кабинете у следователя. Если им нужно получить от тебя признание, они найдут лазейки в твоём сознании или слабые места на теле.

– И что нам с этим делать? – спросил, улыбаясь Макс, нанося удары руками по воздуху.

– Прокачивать людей идейно, – и Сева показал ему пальцем на голову. – Сначала человек ломается здесь, он допускает мысль о том, что его победили. Пока не вскроют черепную коробку – человека им не сломать. Сломав одного человека, по цепочке сломают всех, они в этом спецы. Это их хлеб. Они ломали так власовцев, буржуев, революционеров, декабристов, мятежников и донских казаков. Летопись их жестоких и хитрых методов тянется еще со времен Стёпки Разина.

Тогда это были ещё просто разговоры, но именно с них началась трансформация последующей жизни двух молодых людей.

Первый сон Максима.

– Отворяй ворота! – крикнул бородатый мужик в чёрной рясе.

– Кто такие? – грозно спросил сверху стрелец.

– Богомольцы мы, странники из села Григорове.

– Что вам тут надобно, собаки бродячие?

– Пустите в храм, люди добрые, молитву совершить в честь царя батюшки против треокаянных недругов его, расплодившихся аки вши по земле русской.

– Не раскольники ли вы, отлучённые Богом от святой церкви? Христианские ли проповеди из-под риз несёте?

– Бог с тобой, государев защитник. Испепелили село наше плясовые с бубнами да медведями, надругались над дочерями духовными. Покаяния ищем мы, да молитвами кормимся с того времени. Благодатная вера наша вьёт дороженьку от двора ко двору христианскому. Дай исполнить завет богоугодный, прикоснуться к благочестивым иконам и молитвою искупить прегрешения наши.

– Далёко ли ваш путь простирается?

– До Астрахани идём, к воеводе Московскому.

– Родион! Отворяй ворота! – закричал стрелец, и тяжёлые дубовые брёвна заскрипели, выпуская богомольцев в город.

– Сколько Вас, странники, числом будет?

– До сорока голов немощных наберётся.

– Нам бы водицы только испить, соколик! – донеслось среди бредущих.

– Да хлебом с кашею тесёмки наполнить...

– Ишь зароптали, бродячие! – прикрикнул на них стрелец. – Тут вам не монастырь для страждущих! Степан, а ну проводи их до храма божьего!

Казацкие струги, стояли в тёмных заводях Волги. Награбленное в прежних городах кучами лежало на днищах на персидских коврах и было устлано бархатом и шелками. Часть казаков осталась в чайках, ожидая ночи. В новых узорчатых зипунах лежали они на палубах, натирая пистолеты и сабли, инкрустированные драгоценными камнями.

Как только луна вошла на небосвод, и поселение поволжское обволокла полуночная дрёма, атаман с казаками поскидали рясы, обнажив оружие, и со двора храма, где их разместили, направились к главным воротам. Перерезав охрану, они запалили факелы, показывая сигнал, сидящим в засаде.

Вскоре город аки встревоженный муравейник пришёл в движение: топот сапог по скрипучим доскам доносился до уха словно барабанный бой, крики разбуженных стрельцов и их пойманных в исподнем девок разносились то тут, то там словно затравленное карканье воронов. Успевшим поднять оружие и вступить с казаками в бой, перерезали шеи и насадили на длинные копыя. К яме, что у казённой избы, оттащили сонных дьяков, выволоченных из храма, и, отрубив им саблями головы, покидали окровавленные трупы на холодное дно.

– Сегодня будут пировать склизкие черви и земляные жуки!

– Отведают плоть богохульников, царёвых приспешников!

Пятеро казаков во главе с атаманом ворвались в дом воеводы и, выкинув его на крыльцо, коромыслом перебили ему ноги, чтобы не убежал. Нашедши детей, заковали их в цепи, а жену за волосы начали таскать вокруг дома на потеху казацкому войску.

– А ну, плут мошенник негодный, признавайся, где казну народную прячешь? – вопрошал у него атаман

Окровавленный воевода напрасно взывал к милосердию вольных погромщиков – бородатые казаки только смеялись над ползающим в грязи властителем города. К этому времени народ уже вывалил гурьбою на площадь и смотрел на казацкую вольницу.

– А ну, люди добрые, слушайте плач вашего воеводы, что обирал вас как осинку безжалостно! Пусть кается перед народом честным, как жировал наместник царский! Я, Степан Разин, не допущу беззакония над народом свободным, не позволю над казаками издеваться и объедать их детишек малых. А ну давай телегу с обручем! Сейчас он нам вернёт награбленное, холуй гусадарев!

– Так ему ироду и надобно! – перешептывались бабы разбуженные, пока воеводу с помощью железного обруча распинали на телеге.

– Пощадите, разбойники! – верещал поломанный воевода, – милостью царя-батюшки Алексея Михайловича, заклинаю о снисхождении! Неповинен я перед казаками, детьми умоляю, не трогайте!

– Ах ты, пёс шелудивый, воришка казённый! А ну, братушки, тащите сюда его выпрысков!

Казаки притащили за космы закованных в цепи детей воеводы и подвесили их на столбах, воздвигнутых на скорую руку, словно на виселице. Когда второго мальчонка поднимали за скованные за спиной руки, хрупкие плечи ребёнка не выдержали и переломились. Хруст разнёсся над головами людей, и несколько баб в ужасе закричали, отворотив лица.

Телегу с воеводой загнали под виселицу, чтобы отец видел мучения своих чад. Казаки начали стегать кожаными кнутами с острыми иголками извивающихся в конвульсиях и боли детей. Их пороссячий визг заполнил площадь. Кровь ручьями стекала на онемевшего от страшных видений отца. Понимая, что воевода совсем лишился дара речи, казаки отрубили ему голову, а детей скинули со столбов на землю.

Следом приволокли митрополита Иосифа, и, объявив его дьяволом, вырвали из груди сердце чугунными клешнями, раскалёнными до красна. Некоторых возмущавшихся произволом восставших казаков побили и вместе со стрельцами изрубили саблями. Мёртвые тела покидали в яму, где лежали безголовые дьяки, после чего начали грабить жилища покойников.

– Смотри, Стёпка, сколько бус да побрякушек серебряных для своей блудницы насобирал нахлебник! – говорили Степану Разину казаки, обшаривая комнаты в доме убитого воеводы. – Возьми золотые серьги да кольца, своей царевне подаришь.

– Бабе несносной сколько не принеси, всё малу будет. Что в ней проку для души казацкой, только бремя тяжёлое, – отвечал Разин, листая записи бывшего хозяина дома.

– Взял с собой, будь любезен подарочками да гостинцами баловать, – смеялись казаки.

– Тьфу, на вас дармоеды бесстыдные! Растрещались о бабе словно тетерева надутые, не к добру посадил я её на кораблик свой, видно час пришёл распрощаться нам.

– Да что же ты, Стёпка, утопить что ли её собрался в Волге-матушке? – засмеялись казаки.

Тяжело посмотрел на них атаман, хмуря свои чёрные брови.

В полдень казаки вместе с примкнувшими к ним мужиками потащили награбленное добро на стоявшие в засаде струги. Отчалив от берега, вместе с атаманом они раскупорили кувшины с вином и начали отмечать успешное взятие очередного города. Запьянев, один из ближайших к Разину казаков Ерёма, поднял кружку за погибшего друга атамана в бою у Свиного острова:

– А помянем друга нашего, ушедшего к праотцам, недалече как позапрошлым месяцем!

– О ком это ты, Ерёма, говоришь?

– О Сергее Кривом, растерзанном персами!

– Добрый был казак, вольной жизни преданный!

Казаки подняли кружки вверх и выпили за своего погибшего в бою братушку.

– Славно мы тогда порубали бусурман каспийских!

– Столько золота унесли, что надолго хватит!

– Сплюнь, Ерёма, чтобы сглазу не потворствовать.

– Духи водяные нам покровители, и водица тёмная словно матушка! – отвечал Ерёма, наливая вина в кружку. – Таких подарочков ещё не видали мы как у Разина в горнице.

Казаки засмеялись, понимая на кого намекает Ерёма. Атаман, порядком захмелевший, выкинул за борт пустую кружку и закричал:

– А ну приведите эту смиренную!

Казаки привели персидскую княжну, ожидающую атамана в его небольшой корабельной комнатке. На ней были одежды, затканые переливающимся на солнце золотом и серебром. Кроме того, ткань была богато убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями.

– Ай да красавица, ай да царишна! – не удержался кто-то из казаков.

Княжна и вправду была столь молода и столь прекрасна, подобно сказочной королеве, скрывающей своё застенчивое восточное личико за тонкой вуалью, что редкий мужик удержался бы перед её пленительными чарами. Её приветливый нрав и подневольный страх перед жестокостью своего хозяина ещё более украшал её и завораживал любого из казаков.

Разин взял её за руку и обнажил ангельское лицо перед казаками:

– Ну что, бесстыдники, хороша моя колдовница?

– Хороша, Степан! Ой как хороша, – ответили казаки.

– Ну раз вам любя, то и Волга-матушка полюбит! – сказал Разин и повёл к борту ладьи свою пленницу. – Ты прекрасна, река, Волга-матушка: широтой необъятная, глубиной бездонная! Столько золота, серебра и драгоценный камней подарила ты мне – ни одному казначею во век не пересчитать! Стала матерью ты моей чести, летописицей моих подвигов! Ну а я, будь

неладен, ещё до сих пор не отблагодарил тебя, ничего не принёс тебе в жертву! Не хочу и не умею быть неблагодарным! Принимай и ты от меня подарочек, Волга-матушка!

С этими словами атаман ловко схватил несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил за борт ладьи в реку. Никто из казаков не успел даже дёрнуться, как раздался девичий визг, и тело царицы плюхнулось в воду.

– Что, окаянные, баб не видели что ли вы в своих хатах соломенных? Или обо мне думали плохо? Никогда не менял и не будет менять Степан Разин казаков на прелестниц заморских! Бабы то пустое дело, недостойное настоящего, неказацкое! Наша вольница впереди лежит! Грабежи обратим мы в мятеж всенародный и сметём наконец тиранию боярскую! Спросим с государя, как он допустил беззаконие на земле русской, насадив бородатых отступников возле себя аки сорняков бесполезных! Вдоль реки нашей Волги-матушки будут колья торчать с головами предателей, обратившими жизнь казацкую в подневольное рабство!

Глава 3. Современный Буратино

С Борей Максим познакомился на день рождения своей сестры Наташи. Он вернулся домой вечером после тренировки и сразу понял, что семейный праздник пошёл не по плану. Мама в одиночестве сидела на кухне, крутя в руке полупустой бокал с красным вином. Из спальни комнаты Наташи раздавались крики ругающихся голубков.

Боря познакомился с его сестрой около года назад, и она всё никак не решалась представить его своей семьей, то ли опасаясь Максима, негативно относившемуся к подобным отношениям, то ли стыдясь своей одинокой матери, потрепанной жизнью, и частенько прикладывающейся к бутылке. Наконец, когда ей исполнилось 18 лет, она решилась это сделать: подгадала день, когда Максим будет на тренировке и привела Борю домой.

Мама очень обрадовалась за дочь, накрыла на стол и даже надела своё праздничное платье. Борис ей очень понравился. Он был старше Наташи на 10 лет, работал на севере вахтовым методом, жил самостоятельно в собственной квартире и имел красивую новую машину. Боря был стабильным взрослым мужчиной, готовым к семейной жизни. Он был ответственен, вовремя вносил платежи по ипотеке и по кредиту за автомобиль. Был перспективен и не дурён собой.

Единственной его слабостью было то, что натура его была слишком эмоциональной. И это действительно было реальной проблемой, учитывая молодой и заносчивый характер Наташи. Его просто бесило её легкомыслие и несерьёзность, а она как будто нарочно подбрасывала дровишки в огонь его ревности.

Они сели за стол, раскупили вино и начали очень мило беседовать. Сначала всё было хорошо, пока Наташе кто-то не прислал на телефон сообщение. Боря спросил, кто это ей пишет и попытался даже вырвать телефон из её рук. Они начали упрекать друг друга в недоверии, потом Наташа всплила и убежала в свою комнату. Боря последовал за ней, и уже там их ссора достигла апогея.

В этот самый момент Максим и вернулся с тренировки. Он разулся, неодобрительно посмотрел на мать и прошёл в свою комнату. Из спальни Наташи доносились крики ругающихся.

– Пошёл в жопу, козёл! – наконец крикнула его сестра и вышла в коридор, хлопнув дверью.

Она одела кроссовки, решительно подтянула джинсы и нацепила ветровку.

– Ты куда, дочка? – из кухни спросила её мама.

– Я ненадолго, мам, пусть этот козёл убирается из нашей квартиры!

Боря вышел из комнаты.

– Ну что вы так громко ругаетесь? – сказала ему мама. – Перед Максимом неудобно.

Боря прошёл во вторую спальню и открыл дверь.

– Здорово! – сказал он решительно. – Ну и сестрёнка у тебя, настоящая стерва!

Он протянул Максиму руку:

– Борис, парень Наташи, рад познакомиться, – уверенно отрапортовал он.

Максиму он не понравился сразу, непонятно почему, но такое бывает: просто человек не нравится с первого взгляда. Ты ещё даже не понял, что тебя в нём отталкивает, а уже настроен к нему враждебно. С неохотой он всё же пожал Боре руку.

– Твоя сестра, Макс, ведёт себя неправильно. Ты как старший брат должен на неё повлиять. Я, конечно, не лезу в ваши семейные отношения, но, согласись, что девушка так себя вести не должна.

– Что ты имеешь в виду?

– Скажи мне, Макс, у Наташки кто-то есть кроме меня?

– С чего ты взял?

– Она постоянно переписывается с какими-то Денисом, испытывая мою любовь и моё терпение.

– А кто этот Денис такой?

– Какой-то молодой проходимец, не пойми, чем занимается и на что живёт? Нигде не работает, а денег навалом. И Наташка с ним что-то мутит, я это чувствую. Вот скажи мне, что ей ещё нужно? Чем я её не устраиваю: квартира есть, машина есть, работа есть, зарплата приличная.

– Сестра говорила, что ты на севере работаешь, нефтяник что ли?

– Да, «Роснефть», сам понимаешь, лучше уже не будет.

«Конечно, лучше уже не будет» – с улыбкой подумал Максим. Мечта современного потребителя, которому север представляется неким подобием волшебного места, из которого возвращаются с полными карманами денег или с банковскими карточками, на счетах которых лежат шестизначные суммы в рублёвом эквиваленте. По сути же современный аналог страны дураков, в которой обещают богатство каждому современному Буратино в обмен на его время, здоровье и душевное равновесие.

«Пока, любимый» – всхлипывают Мальвины и целуют Буратин в щёчку, отправляя на заработки своих благоверных. И теперь они словно на каторге будут терпеть лишения и прощаться со своими некогда отменным здоровьем ради того, чтобы принести своей любимой мешочек с деньгами, которые их леди будут тратить на маникюры, педикюры и массажи – Мальвины же должны быть красивыми, чтобы Буртины могли ими гордиться, непонятно только перед кем? Разве они звёзды шоу бизнеса или театральные актрисы, на которых глазуют тысячи и миллионы глаз ежедневно?

Максим не разделял убеждения Бори насчет того, что в этой жизни он вытащил счастливый билет, устроившись работать в компанию «Роснефть». Какое у него будущее – превратиться для своей любимой в кошелёк, за счёт которого она будет обеспечивать свою свободную жизнь, свои капризы и своих детей? Если дети будут не только её, но и его тоже, то это будет большая удача, потому что практика жизни показывает – большинство детей современных нефтяников, работающих по вахтам, зачаты не ими, а теми, кто скрашивает долгое одиночество их дам, пока они зарабатывают деньги.

А когда деньги в кошельке закончатся, то Мальвина найдёт новый кошелёк, тот что будет поплнее. Благо сейчас такое время – очередь из женихов, жаждущих допуска к трусикам девочки напоминает очередь к мавзолею времён, когда над Кремлём гордо реял красный флаг с серпом и молотом в верхнем уголке полотна. А лишившегося работы северянина ждёт бутылка водки, сочувствие друзей и жалость матери.

Неужели его сестра была очередной Мальвиной, которая решила так выгодно и с успехом обустроить свою жизнь? С одной стороны, половину дней в году у неё в кровати будет Буратино по имени Боря, а другую половину дней в году она будет спать с Бармалеем по имени Денис. Один будет её обеспечивать, а второй развлекать. А чьи будут дети – она ещё подумает, в прочем какая разница? Современные леди рожают для себя. Торгово-рыночные отношения поставили крест на семейных ценностях эпохи Леонида Брежнева.

***

Когда сестра вернулась, Максим решил с ней поговорить.

– О каком это Денисе спрашивал меня Боря?

– Макс, не лезь не в своё дело, – отрезала Наташа.

– Мне всё равно на ваши отношения, сестрёнка, но мне не всё равно на то, что моя сестра шлюха, уясни себе это раз и навсегда, Наташа. Раз мне задают вопросы в моей спальне касательно того, с кем водит шуры-муры моя сестра, значит я тоже имею к этому отношение.

– Макс, я не шлюха, не слушай этого козла, – тихо ответила Наташа. Она знала бойкий нрав своего брата, и его тяжёлую руку, которую точно не остановит то, что она девушка или его сестра. – Надо же, привела его первый раз домой, и он уже устроил тут скандал при маме. К тому же тебе наговорил всякой чуши. Он просто ревнует меня к каждому столбу, ты его плохо знаешь.

– У этого столба есть конкретное имя – Денис.

– Макс, у меня полно друзей, я же не монашка давшая обед безбрачия. Мы ещё не женились, а он уже выносит мне мозг и запрещает общаться не только с пацанами, но и с подругами. Почему вы думаете, что если девчонке кто-то написал, то значит она шлюха? Боже, Макс, ты меня назвал шлюхой просто услышав от кого-то что-то, о чём ты не имеешь никакого представления!

Наташа заплакала. Но на её брата такие уловки не действовали.

– Во-первых, ты прекрасно знаешь, что я никому не дам тебя в обиду, и сам разорву на части любого, кто попробует тебя оклеветать. Во-вторых, разговор о твоих интригах у меня был не с каким-то человеком, а с Борей – тем, кого ты сама привела к нам в дом, и представила, как своего парня. Я вижу, что он слабый тип и подвержен истерике, и догадываюсь, что ты этим пользуешься. Но заруби себе на носу, сестрёнка: я не позволю тебе прыгать по койкам за его спиной! Если ты считаешь его недостойным своей короны на голове, то пошли его нафиг и встречайся с тем, кого будешь по-настоящему любить и уважать. Хоть с тем же Денисом, Васей или Колей. Ты знаешь моё отношение ко всем этим новомодным женским теориям о свободной любви и прочей феминистической чуши и, поверь мне, я лучше тебя прибью, чем позволю стать блядью!

– Макс! Что ты такое несешь! – Наташа перестала плакать и заискивающе посмотрела на брата; она хорошо знала, когда он злился, и чем это могло для неё закончиться. – Я люблю Бору, просто мы повздорили, как обычно, вот и всё. Я тебе клянусь, что у меня кроме него никого нет, и он это знает, поэтому завтра он сам прибежит ко мне с извинениями.

– Расскажи мне о Денисе.

Максим серьёзно смотрел на сестру, и она поняла, что просто так он от неё не отстанет.

– Он мой знакомый, мы просто друзья и ничего больше.

– Чем он занимается?

– Я точно не знаю, у него какой-то бизнес. Что-то связанное со строительством.

– Покажи мне, что он тебе написал сегодня.

Он протянул руку, чтобы Наташа отдала ему свой телефон.

– Макс! – крикнула она и сжала мобильник.

Минуту они смотрели друг другу в глаза, после чего Макс смягчился:

– Ну, хорошо, уладь этот вопрос со своим бесхребетным парнем, раз ты его так сильно любишь. Но я хочу, чтобы этот загадочный Денис больше тебя не тревожил иначе мне придётся самому решить этот вопрос. Ты меня поняла?

Наташа улыбнулась и обняла брата. Когда папы не стало, Максим, заменил ей отца. Он всегда защищал её, но порой эта защита оборачивалась для неё тяжёлым бременем, потому что превращалась в жёсткий контроль со стороны брата. Она действительно его боялась, так как он мог легко надавать ей тумаков за какие-либо провинности, которые он считал недопустимыми. В такие минуты ей казалось, что Максим способен убить.

***

Противоположностью Наташи была Хельга, девушка Севы. Если сестра Макса мечтала поиграть на нервах своих парней, после чего навязать им свою волю, то Хельга беспрекословно выполняла то, что говорил Сева, и даже не помышляла о том, чтобы поставить под сомнения его слова. И дело было вовсе не в различном характере девушек, дело было в различном информационном поле, в котором находились Хельга и Наташа.

Наташа была ярким представителем испорченной и погрязшей во всех мыслимых и немыслимых грехах современной системы. Это был ребёнок материального мира, в котором всё оценивается с помощью денег. Той самой системы, в которой золотой телец главенствует над моралью и нравственностью. Той самой системы, в которой оценивают по одежке, а по уму провожают только в поговорах. Той самой системы, в которую не хотел вписываться нонконформист Сева.

Хельга же находилась в среде, проповедующей абсолютно другой уклад жизни, в котором главным призванием женщины была верность своему мужчине. В мире Наташи такой жизненный принцип будет губителен для девушки, потому что мужчины его не оценят. Система современных взаимоотношений между мужчинами и женщинами устроена таким хитрым образом, что все друг другу изменяют. А тот, кто не изменяет – молчит об этом, чтобы не выделяться из толпы. А тот, кто не молчит и выделяется, тот не осуждает тех, кто изменяет. А тех, кто не молчит и осуждает, слишком мало, поэтому их голоса остаются не услышанными. Ведь на словах в современной системе верность тоже преподносится как нечто идеальное, о чем можно снять кино, чтобы особо чувствительные всплакнули и запостили картиночку у себя на стенах в социальных сетях, приписав к ней «Как трогательно!».

На деле же западный мир стал свободным не только в экономическом и политическом плане, но и в половом. Сексуальная революция сделала своё дело. Мужчины уже не ищут тех девушек, кто сохранил свою верность. А женщина изначально подозревает в измене любого, потому что, как пишут интернет-гуру любовных отношений, знают на что способны другие женщины. Девственность перестала быть повседневной вещью. Современные кукловоды превратили её в дефицит, и на рынке любви сейчас она оценивается в миллионы долларов.

Сами девушки перестают думать о сакральном значении непорочности, выставляя свою невинность на аукционы – кто больше заплатит, перед тем она и раздвинет ноги. Деньги опошлили всё на свете, и те, кто находится в современной системе, шаг за шагом оправдывали всё, что возвеличивало их действующее божество – деньги. Поэтому система стала такой во всём: маленькие допущения каждого её представителя в конечном счёте сформировали одно огромное общее для всех чудовище, питающееся грешниками и грешницами, в любых сферах человеческой жизни.

Но Хельга оказалась недоговороспособной, и не смогла заключить с этим монстром контракт, чтобы вписаться в стадо и присоединиться к всеобщему блеянию о том, что должен мужик и что должна баба. Она не пила алкоголь и не курила, вместо этого по вечерам посещала церковную школу и храм. Такое поведение само по себе являлось вызовом существующим нормам и правилам среди молодёжи. Однако это не сделало её изгоем среди сверстников. И Сева был одним из тех, кто помог оградить Хельгу от нападков подростков.

Однажды она повздорила с одной из одноклассниц. Поводом стал парень, который попытался подкатить к ней на перемене. Его звали Семён. Катя, одноклассница Хельги, считала Семёна своей собственностью и решила наказать подругу за это. Зная нелюдимость Хельги и её слишком откровенную правильность в поведении, она собрала группу пацанов понаглее и натравила их на неё. Развязная компашка, с сигаретами в зубах, подкараулила Хельгу на улице после уроков и начала до неё докапываться.

– Ты чё, чучундра, разоделась как бабка с базара? Юбку можно было и покороче надеть, – смеялись они, прижав бедную девчонку в одном из близлежащих со школой дворов.

– На, пыхни сигарету, монашка целомудренная!

– Что вам от меня надо, пропустите! – защищалась Хельга.

– Монашка она только для виду, – натравливала на неё друзей Катя, – а под юбкой наверно и трусов нет, шлюха вонючая!

– Я ничего тебе не делала, Катя, зачем ты так говоришь?

– А Семёна зачем соблазняла, ты же знаешь, что он мой парень!

– Я его не соблазняла, между нами ничего не было.
– Что ты врешь, корова облезлая! Я видела, как он трогал тебя на перемене. Что он тебе говорил?

– Ничего особенного, просто предложил проводить меня до дома после уроков.

– А ты чего?

– Я ответила ему, что не надо меня провожать.

– Ты типа такая правильная что ли, как святая на причастие? – ухмыльнулся один из парней, отхлёбывая из бутылки пива.

– Нет, – тихо ответила Хельга.

– А почему он тогда трогал тебя? – не унималась Катя.

– Я не знаю.

– Так он трогал тебя? – настаивала одноклассница, распаяясь всё сильнее.

– Да, – чуть слышно призналась Хельга.

Этого было достаточно, чтобы одноклассница влепила ей пощёчину.

– Слышь, а ты что и в правду целка? – подключились к нападению парни.

– На тебе трусы есть, или ты в натуре под юбкой голая?

– Ну ка, задери подол!

Кто-то из парней попытался поднять ей юбку. Хельга отстранилась, её схватил другой парень и попытался влить ей в рот пива. И в этот момент во дворе появился Сева с другом. Он уже окончил на тот момент школу и был постарше всех, кто нападал на Хельгу.

Сева с ходу вырвал бутылку из рук парня и разбил её ему же об голову. Друг Севы с одного удара вырубил ещё одного нападавшего, и побежал за вторым. Сбив его с ног подножкой, он принялся прыгать ему двумя ногами на голове. В этот момент Сева схватил за волосы Катю и швырнул её на асфальт.

– Ты в порядке? – спросил он у Хельги.

– Да, – ответила ошарашенная девочка.

– Пошли отсюда, – он схватил её за руку и увлёк за собой. – Как тебя зовут?

– Оля, – ответила Хельга, впервые почувствовав трепет в маленькой девичьей груди.

– А меня Сева, – широко улыбнулся её спаситель.

Так они познакомились и с того времени были вместе. Сева привёл познакомил её со своими друзьями, Оля сменила длинную юбку на джинсы, а туфли на берцы. Её стали звать Хельгой в честь княгини Ольги, и больше в школе ни у кого не возникало желание наехать на молоденькую подружку беспредельщика Севы.

Хельга попала в среду, где свободные отношения между парнями и девушками осуждались. Ей даже в голову не приходила мысль о том, что Сева может ей изменить, она его так любила и чувствовала взаимность. Сексуальное воздержание не считалось чем-то зазорным или тем более вредным. Наиболее радикальные друзья Севы намерено отказывались от секса, считая его удовольствием, разрушающим человека как личность.

– Ты можешь пить, и опьянение заставит тебя чувствовать себя весёлым, бодрым и счастливым. Но по факту алкоголь лишь разрушит твой мозг и не решит ни одну из твоих проблем. Такая же история описывает сигареты. Тебе кажется, что ты успокаиваешься, выкуривая оранжево-белый снаряд смерти, но на самом деле ты разрушаешь свои лёгкие и зарабатываешь в недалёкой перспективе на insult.

Хельге объясняли то, от чего у неё уже был иммунитет, и она никогда в жизни не страдала от пристрастия к алкогольно-табачной продукции. Однако в тот самый момент, она осознала настоящую опасность, скрытую в, казалось бы, очевидных вещах. Просто всё начиналось именно с папирос и водки. Поэтому философия очищения человека как в физическом, так и в духовном смысле в качестве отправной точки брала отсчет именно с них.

– А как же сексуальная близость? – спрашивала она у самых смелых, отказавшихся от большинства земных удовольствий и объявивших гедонизм главным виновником человеческого упадка. – Ведь любовь мужчины и женщины естественна и никак не может называться отравой, разрушающей организм?

– Любовь, но не секс, – отвечали ей. – Любовь служит великой целью человечества, дарующей и поддерживающей жизнь на планете. Секс же потворствует низменным инстинктам человека, превращая его в раба своих страстей и на корню убивая все его высокие устремления и благородные помыслы. Любовь естественна, как и потребление пищи. Однако, превратив любовь в секс, люди обратили все её преимущества в сплошные недостатки. Всё равно, что современные рестораны быстрого питания, лишившие пищу всех её полезных свойств и вместо этого напичкавшие её химикатами. Ты ешь бургеры, нагетсы, ролы и всевозможные салаты, не насыщая своё тело. Ты превращаешься в обжору, питаешь только свой порок и уподобляешься примитивному животному, которому не дано быть разумным. Это эволюция наоборот, когда, следуя за нашими удовольствиями, мы словно оборотни превращаемся в порочных и ненасытных тварей, которым никогда не покорить космическое пространство и не построить здравомыслящее и справедливое общество.

В этом был смысл, но тогда ещё Хельга не осознавала, как далеко могут завести подобные рассуждения.

– Сначала первая сигарета, потом первая рюмка, потом первая дорожка фена и первый укол по вене – вуаля, цикл закончен, курильщик превращается в наркомана. Первый пончик, первый гамбургер, первая кола и первая картошка фри – ляски-масыськи, и мы имеем толстое бесформенное тело, страдающее ожирением, увеличенной печенью и не способное передвигаться на своих коротеньких свиных копытцах. Первый поцелуй, первый секс, первый оральный акт, а у кого-то и первый анальный – и вот уже мы имеем развращённое сердце, меняющее любовь на сифилис и гонорею.

– Ну а если твоя любовь искренна?

– Тогда сохрани её в своём сердце как огонёк свечи во мраке комнаты, не позволяя демонам, прячущимся по углам, потушить его. Не превращай великий дар в банальное потребление. Сейчас нам говорят, что секс и голод – двигатели прогресса. Но посмотри к какому абсурду пришли те, кто смеет внедрять эти постулаты в наши головы. Биомасса, лишённая половых отличий, шествует по Европе, выгибая свои розовые задницы словно обезьяны, и не знающая что бы ещё такое затолкать в себя ради новых ощущений? Ментальное уродство и полнейшая деградация, превратившая творцов в рабов своих желаний, и низвергнувшая некогда великую европейскую цивилизацию, на руинах которой открыли цирк с гендерными фриками – вот результат того, к чему привела искренняя любовь. А ведь началось всё с первого поцелуя, и мотивы, которые двигали в том момент влюблёнными, были самыми что ни на есть чистыми и благородными.

Таких радикалов, кто в собственных лишениях доходил до безумия, среди их друзей было немного. Сева и Хельга не относились к их числу. Их страсть была настоящей и целостной. Однако с появлением Макса что-то изменилось. Хельга это почувствовала, но не могла понять, что именно. Сева не был безумцем в отличие от Макса. Он мог вспылить, но и мог вовремя остановиться. Однако Макс был не такой, он был фанатиком, способным пойти до конца.

Они как-то странно влияли друг на друга, Сева и Макс, усиливая каждый свою индивидуальность, и в то же самое время, превращаясь в нечто совершенно новое, что начинало жить собственной жизнью в паре. Словно новая форма человека с двумя сердцами родилась в тот момент, когда они познакомились. И чем больше они между собой общались, тем дальше их дружба уводила обоих в мир абсолютно новых законов и правил, с которыми они вскоре собирались познакомить всё остальное человечество.

Макс не имел девушки и тоже воздерживался от сексуальной близости, но не по той же причине, что это делали другие. Он считал секс потерей энергии, которую не стоит растрачивать на девушек. Он был одержим более высокими целями. До знакомства с Севой этой целью были спортивные достижения. Макс считал, что секс ослабляет его физические и психологические резервы, необходимые ему для победы над соперниками.

После знакомства с Севой цели изменились. Спорт отошёл на второй план, и свои основные силы Макс направил на уличное движение. Это была агрессивная политика пропаганды здорового образа жизни. Теперь каждый, кто пил и курил на улице, мог на себе прочувствовать преимущества занятий на спортивных площадках.

Однако в поведении Макса было кое-что ещё, тревожащее Хельгу. Что-то жуткое, готовое вырваться наружу, и начать крушить на своём пути всё, до чего он сможет дотянуться. И Сева без сомнения присоединился бы к этому монстру. Так думала Хельга. Однако, кто к кому присоединился бы в данном случае оставалось вопросом? Оба как будто ждали появления друг друга, чтобы начать свой разрушительный поход за головами индейцев Чероки.

– Можешь пробить одного человечка? – попросил Макс Севу после того, как узнал о Денисе.

– Что он сделал?

– Да пока ничего, но думаю, что стоит с ним пообщаться. Спроси у знакомых, может кто, что знает о нём?

Макс дал Севе ту информацию по Денису, которая у него была.

– Какой-то мажор подкатывает к Наташке.

– Ты же говорил, что у неё парень есть.

– Он то мне и рассказал про этого Дениса. Вчера я с ним познакомился. Боря, – Максим усмехнулся, – дятел какой-то бесхребетный. Сам разрулить не может. А Наташка, она та ещё стерва, использует его в своих интересах. Просто, понимаешь, я ей не доверяю. Она же не такая девчонка как твоя Хельга, она запросто может поддастся на уловки этого мажора. Сама не заметит.

– Ну так давай его нахлобучим, – предложим Сева.

– Пока не надо. Я до конца ещё в ситуации не разобрался. Это же тёлки, они там, что угодно могут интриговать, не поймёшь, кто прав, кто виноват.

– Ну, как знаешь, – ответил Сева, – спрошу у своих.

Макс снова усмехнулся:

– Поломать мы его всегда успеем.

Глава 4. Раскол

Окраины бетонного города. Вечернее небо затянуто вечно грязными облаками. Вчера весь день моросил дождь, и земля ещё не до конца успела высохнуть. Пустырь пахнет влагой, гарью и примятой полевой травкой. Флаги любимых команд колышутся в руках возбужденных фанатов. Раздаётся сигнальный звук горна и замес начинается.

В массовой драке побеждает тот, кто лучше организован. Чем холоднее рассудок, тем лучше. Нельзя поддаваться панике и терять из вида то, что происходит вокруг. Удар может прилететь откуда угодно. Надо быть готовым к тому, что тебя собьют с ног и начнут запинывать. Тогда нужно вовремя сгруппироваться, чтобы получить наименьший урон.

В таких побоищах проявляется дух фаната. Слабые ложатся от страха, несгибаемых можно победить только группой, повалив на землю, используя численное превосходство, но и тогда самые упёртые поднимаются и продолжают выкидывать руки и ноги, нанося удары по членам противоборствующей команды. Разбитые губы и брови, сломанные носы и выбитые зубы – неотъемлемая часть фанатских заруб. Но ведь шрамы украшают мужчину – это косметика сильного пола, вызывающая уважение в здоровом обществе.

Русские кулачные забавы и бои «стенка на стенку» в современном исполнении футбольных хулиганов продолжают древние традиции прославленных предков и поддерживают в молодом поколении дух воинов. Собраться все вместе, чтобы поколотить друг друга – вот, что требуют от мужчины его гены, отправлявшие его в битвы с целью завоевания чужих территорий в далёком прошлом. Это именно то, что современные левые феминистки называют токсичной мускулинностью, и чему на западе объявили войну. Но здесь, в России, это ещё не осуждается государством и обществом, поэтому молодые люди, соревнующиеся между собой в борьбе, боксе, боях без правил и организованных уличных драках, продолжают укреплять свой дух с помощью физического насилия.

Именно в среде фанатов Макс и Сева познакомились с Чеченцем и Богатырём. Это были огромные накаченные ребята, кулаки которых творили чудеса. Под ударами их увесистых колотушек головы противников трескались и разлетались словно арбузы, попавшие под тяжёлые колёса ЗИЛовского грузовика.

***

Чеченец был одним из самых возрастных фанатов футбола. В эту среду он попал после того как прошёл несколько горячих точек. В том числе он побывал и на самой печально известной войне в новейшей истории России – Чеченской. Потом была Абхазия, Нагорный Карабах и Грузия. Они пошатнули психическое здоровье этого парня, имя которого среди своих знали единицы. Все его называли просто – Чеченец.

В какой-то момент медики заметили у него психические отклонения, и с ним перестали подписывать контракты. Чеченцу пришлось искать своё место в мирной жизни. Он перебивался случайными заработками, подрабатывая на стройках. Несколько раз пробовал профессию охранника, но быстро понял, что эта сфера мирской жизни ему противопоказана.

Однажды он сломал руку одному из слишком умных посетителей магазина, забыв, что перед ним не военнопленный, а покупатель. Уголовное дело благополучно закрыли, учитывая прошлые заслуги перед Родиной. Однако рекомендации были однозначны – ему посоветовали сменить род деятельности. В прочем он и сам прекрасно понимал это. Если бы не движение футбольных хулиганов, позволявшее ему выпускать время от времени пар в побоищах, то он рано или поздно закончил бы плохо.

Когда его просили рассказать о боях, через которые он прошёл, он всегда отвечал только одно:

– Я любил убивать ножом, – и после этого он доставал, демонстрируя любопытным, большой армейский клинок, который всегда висел у него в кобуре на поясе.

Конечно, после этого желание залезть к нему в душу пропадало начисто. Безумный блеск его глаз говорил о том, что этот человек любил повторять эту фразу не просто так. На самом деле никто не знал о его подвигах во времена военных конфликтов. Поговаривали о том, что он был снайпером. И однажды в разговоре с Максимом он действительно разоткровенничался:

– Вот здесь многие, – он намекал Максу на фанатов, – любят порассуждать о том, как нужно убивать тех или иных мерзавцев или недостойных личностей. Но я слушаю их и понимаю, что всё это только детский лепет, за которым нет ничего серьёзного.

– Почему ты так думаешь? – спросил его Максим.

– Потому что они не готовы к убийству, в их глазах отсутствует понимание того, что такое смерть. Они не видели её жуткий кровавый облик, и не чувствовали насколько она холодна, когда появляется рядом с тобой. Для них это пока забава в чёрном саване с ржавой косой в руке, которая так симпатично смотрится на рисунках. Но когда она по-настоящему явится перед ними, они обделаются от страха и убегут с поля боя, поджав свои трусливые хвосты.

– А ты сам её видел?

Чеченец посмотрел на Макса стеклянными глазами:

– Сотни раз. Я смотрел как она медленно приближается к человеку неторопливой поступью. Оптика СВ-98 отлично увеличивает цель, а тяжёлый приклад винтовки хорошо фиксирует жертву. Приблизившись к человеку, она окутывает его своим ледяным дыханием, и враг начинает шевелиться. Я всегда видел их предчувствие и ощущал лёгкую дрожь, пробегающую по их коже в этот самый предсмертный момент. А потом бах... и голова разлетается вдребезги...

Максу он нравился несмотря на все его жуткие недомолвки и шоу-представления с ножом. Он был надёжным другом, в котором они с Севой были уверены на все 100 %. Чего нельзя было сказать о Богатыре.

***

Богатырь, в миру Савелий Богатырёв, был рослым и высоким культуристом с неплохой боксёрской подготовкой. Когда он лупил в зале грушу, шлепки от его мощных ударов было слышно на весь клуб. Спортивный снаряд качался из стороны в сторону, давая понять окружающим, сколько природной дури было в этом громиле.

Несведущие в единоборствах ротозеи как загипнотизированные удавом Ка бандерлоги восхищались его техникой, однако Макс как профессиональный кикбоксёр знал, что техника у Богатыря хромала. Он бил за счёт своих физических данных, вкладывая в удар только силу бицепса и грудных мышц, слегла помогая им мышцами корпуса. Но при этом он полностью игнорировал движения ног, с которых и должен начинаться удар руки.

– Идём побоксируем, – предложил он однажды Савелию.

Богатырёв, не подозревающий на тот момент о том, что Максим был мастером спорта, самодовольно усмехнулся и принял вызов. Он накинулся на Макса словно ураган, обрушивая на него град ударов и постоянно нависая над ним своим более габаритным телом. Макс легко переждал его атаку, плотно закрывая перчатками корпус и голову и постоянно смещаясь по сторонам. Через минуту, когда дышалка у Савелия закончилась, Макс начал простреливать его по печени и солнечному сплетению. И вот тогда Богатырь понял, что значит техника удара. Под конец раунда он уже полностью опустил руки, защищая свой корпус, и тут же заработал нокаутирующую двоечку в челюсть. Его грузная туша перелетела между канатов и грохнулась за пределами ринга. Когда Макс подошёл к нему, на лице у Богатыря больше не было самодовольной улыбки.

В целом, он был правильный пацан, хорошо махал руками, не курил и не пил, с десяти до шести сидел в офисе, а вечерами палил фаеры на матчах. Он всегда поддерживал свою команду на выездах, и был серьёзной опорой для друзей в битвах. Но у него был один минус – он был

зависимым от тёлок. Из-за этого он всегда модно одевался, ежедневно брился и тщательно укладывал причёску. Макс у него напоминал Фокса, из «Места встречи изменить нельзя».

– Кабаки и бабы доведут до цугундера, – говорил в фильме Горбатый про неуловимого члена банды «Чёрная кошка».

И Макс всегда думал, что, если бы у них была своя группировка и за ними охотились менты, то Богатырь обязательно попался бы к ним в лапы через очередную свою тёлку, у которой бы мусора устроили на него засаду. Это было его слабое место, а в остальном Богатырь был мировой парнишка, крепкий в плечах и живущий по законам улицы.

***

Кроме Чеченца и Богатыря было полно парней, кому можно было доверить свою спину в критической ситуации. Иногда с самыми идейными и дерзкими из них Сева и Макс устраивали походы не только на стадионы и пустыри на окраине, но и в самые тёмные кварталы города, где уютно и спокойно проживали свои жизни обыватели. И если им на пути попадались те, кто бухал, то они получали билет в больницу.

Они называли это чисткой. Идея громить квартиры, где продавали самогон и отлавливать барыг, распространяющих шмаль, пришла им гораздо позже, уже после того как они пошли своей дорогой. Дело в том, что все эти походы не одобрялись другими фанатами, включая Прохора. Прохор был главным, кто курировал их группировку. Он чётко придерживался правил, по которым существовало футбольное движение.

Макс и Сева не могли уместиться в рамках кулачных забав с такими же пацанами, как и они, только укутанными во флаг другой команды. Все эти кричалки на стадионах прельщали их постольку, поскольку служили предвестниками жестокого рубилова, в котором они ощущали вдохновение и сладость жизни. К тому же они не поддерживали пивные традиции хулиганов и находились в крыле тех, кто предпочитал разгонять свою злость на тренировках.

***

А потом случилась эта история с Прохором, окончательно поставившая точку в их отношениях с футболом. В тот вечер они должны были выяснить отношения с Викингами. Это были ребята, поддерживающие другой клуб. Зачем нужна была эта разборка, никто не объяснял. Но такое случалось часто, поэтому никто лишних вопросов не задавал.

Когда Сева и Макс увидели тех, с кем им предстоит драться, они были крайне удивлены, потому что Викинги больше напоминали Гопников. Тогда в драке пострадали несколько человек, включая Богатыря. Он получил удар ножом в бедро. И всем стало понятно, что это были не хулиганы, потому что в движении применение оружия было недопустимым. Ну и разумеется, парни пришли к Прохору, чтобы задать ему вопросы, касательно того, что произошло?

– Какого хера ты нас отправил туда? – спросил у него Сева.

– В чём дело, солдат? Что за предъявы, твои кулаки недостаточно испачкались кровью?

– Я не твой солдат, Прохор, уясни себе это как «Отче наш» и 213 статью УК РФ. Ты послал нас на разборки непонятно с кем и непонятно за что. И эти козлы порезали Богатыря ножом, спрос за который будет с тебя.

– Ты чё попутал, Сева? Ты кому угрожаешь, совсем перестал берега различать? Если там был нож, то решать по нему будем завтра на совете с другими руководителями клубов. Движение придерживается жёстких правил, и так же жёстко наказывает тех, кто эти правила нарушает. За порезанного пацана спрос будет большим, и можешь быть уверенным, они за него ответят.

– Какой нахер совет руководителей? Ты чё не вдуляешь, что это были не фанаты, а обычные дворовые пивняки, живущие не то по понятиям, не то по ментовскому закону?

– Сева, я сам решу этот вопрос, после того как выясню, что там произошло? Не указывай мне что надо делать! Кто ты такой, чтобы открывать здесь свой рот? Стрела была забита с

Викингами, и мы всё выясним, будь спокоен. Веди себя достойно как мужчина, как фанат, а не как истеричная девка, которой отвесили оплеуху.

Сева кинулся на Прохора, но их растащили. У куратора их группировки был серьёзный авторитет и серьёзные покровители. Поэтому никто не хотел выяснять с ним отношений из-за порезанной ноги Богатыря. Однако Сева, уже решил для себя, что Прохор теперь его враг.

– Ты мне ответишь за свои слова, сучка! – крикнул он, удерживаемый Максом и Чеченцем.

– Вали отсюда, урод, возомнивший себя Майком Тайсоном! Ты исключён из группировки! – в ответ проревел Прохор, которого так же удерживали несколько человек. – Теперь тебе нет места в движении! Не попадайся нам на глаза, выскочка, если не хочешь превратиться в отбивную котлету!

На следующий день Сева, Макс и Чеченец поймали одного из тех, с кем им пришлось драться, и узнали, что это была бригада Харпера – одного из блатных, контролирующих район, в котором дислоцировался их футбольный клуб. Это был тот самый Харпер, которого Сева в своё время поломал с пацанами у подъезда Максима с помощью арматуры. Тогда ищейкам блатного не удалось отыскать их, потому что Прохор прикрыл своих пацанов, сказав, что это были парни не из его группировки.

Спустя время интересы Прохора и Харпера столкнулись на пересечении улицы «Российской» и проспекта «Советский». В угловом доме освободилось помещение и оба хотели забрать его себе. Харпер планировал устроить в этом месте ломбард с широким спектром залогового имущества, чтобы прогонять через него всевозможное ворованное барахло. Прохор же давно искал помещение для открытия туристической фирмы. Это была идея его жены, вынесшей ему весь мозг с этим бизнесом. Тогда спрос на путешествия был на пике развития, и эта сфера, кроме всего прочего, сулила ему неплохие барыши.

Не поделив, кому достанутся 60 квадратных метров первого этажа, в выгодном по расположению доме с большим потоком проходимости, Прохор и Харпер забили стрелу и оба послали на неё своих пехотинцев. Узнав об этом, Сева собрал в группировке самых близких ему друзей, кто разделял его взгляды, и вышел из движения, решив создать собственную команду, не имеющую к футболу никакого отношения.

Среди покинувших движение был Макс, Чеченец, Богатырь, Паша Партиец, Мичман, Олег Натовец и братья Славоли: Славоля старший и Славоля младший по кличке Бритиш Бульдог. В группировке это были самые отъявленные рубаки и радикально настроенные личности. Они поймали Прохора через неделю в штабе клуба, когда он был там один.

– Ты думал, сученок, что мы не узнаем о твоих деловых планах и закусках с Харпером?

Прохора хорошенько отделали, дав залечившему рану Богатырю возможность сполна возместить обиду за полученное на стрелке ножевое ранение.

– Сева, Макс, пацаны, – запричитал разукрашенный Прохор, – мы должны были выбить место для общего дела. Я планировал открыть там спортбар, где мы могли бы собираться и проводить вечерами время. Место для настоящих футбольных фанов и любителей пенного.

Прохор придумал эту историю на ходу, чтобы хоть как-то оправдаться перед парнями.

– Что ты нам лепишь, гнида? Если бы дело обстояло так, ты бы предупредил парней о том, что отправляешь их рамсовать с этим синим туберкулёзником! Нахера нужен был весь этот цирк с Викингами.

– Я не думал, что он пришлёт своих отморожков, он должен был сам прийти на стрелку, – Прохор умоляюще смотрел на своих палачей, – я просто пытался напугать его, продемонстрировать нашу мощь, чтобы не доводить дело до серьёзных столкновений.

– А если бы они там положили кого-то из наших, засунув перо под рёбра? Или пришли со стволами и прострелили кому-нибудь голову? Об этом ты, сука, подумал?

– Посмотри на мою ногу, чертило. Чуть повыше, и лезвие прилетело бы мне в почку! – возмущенно вставил свои 5 копеек Богатырь.

Сева схватил за грудки избитого Прохора и хорошенько потряхнул его:

– Смотри сюда, дебил! Ты подставил парней, и теперь те, кто с тобой остались, узнают, какой крысе они подчиняются. Встанешь у нас на пути, и мы тебя раздавим, как подвального таракана.

Чеченец достал нож и поднёс его к горлу Прохора:

– Ты же знаешь, что я люблю убивать ножом?

Тот испуганно закивал головой, думая, что сейчас его реально порежут на лоскуты.

– Отдавай нам кассу, – сказал Сева, – это будет твоя компенсация на лекарство для Богатыря.

Прохора подняли на ноги, и он трясущимися руками открыл сейф, где лежал общаг группировки. Денег было немного, но тогда цель была не в наживе, а в демонстрации силы. Кто сильнее, тот и ест. Сева забрал стопку бумажного нала, и они оставили бывшего лидера с позором залечивать раны.

Конечно, Прохор не мог рассказать оставшимся с ним пацанам, и тем более тем, кому он подчинялся, истинные мотивы этого избиения. Сева абсолютно верно рассчитал, что он будет молчать, чтобы сохранить авторитет в движении. Однако Прохор нашёл другой способ для своего отмщения: он решил сдать Севу Харперу, помня о том, что блатной так и не отыскал своих давних обидчиков, проломивших ему с кентами головы.

Тем временем Сева забрал самый мощный актив у группировки Прохора. Он не боялся разборок с бывшими друзьями. Те, кто остался преданным движению, боялись Севу не меньше Прохора и знали, на что способен этот беспредельщик. После его знакомства с Максом, его действия становились всё более независимыми. Все выдохнули спокойно, когда он оставил их болеть на стадионах без своей персоны. Правила, существовавшие в фанатской среде, хоть как-то могли ограничивать его буйную натуру. Но теперь все понимали, что, начав самостоятельно писать новые правила поведения на улице, он становится страшен как никогда. Горе будет тому, кто посмеет перейти ему дорогу. И те, кто ушёл из движения с ним, будут теперь вдвое опаснее, чем когда-либо прежде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.